

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2010
XIX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
543
EXPRESS-ISSUE**

2010 № 543

СОДЕРЖАНИЕ

- 51-59 О некоторых свойствах высших таксономических категорий (теоретический аспект).
Л. С. СТЕПАНЯН
- 59-60 О встрече грязовика *Limicola falcinellus* на южном берегу Финского залива. А. В. БОГУСЛАВСКИЙ
- 60 Новая регистрация грязовика *Limicola falcinellus* в Белоруссии. П. В. ПИНЧУК, С. В. МОРОЗ
- 61-66 О кормовом поведении малой белой *Egretta garzetta* и жёлтой *Ardeola ralloides* цапель на мелководьях и сплавинах Нила.
А. Г. РЕЗАНОВ, А. А. РЕЗАНОВ
- 66-68 Вероятное гнездование степного луня *Circus macrourus* в Подмосковье. Т. В. СВИРИДОВА и др.
- 68-72 О редких видах птиц Ивановской области.
В. Т. БУТЬЕВ, Д. А. ШИТИКОВ
- 72-75 О расселении сирийского дятла *Dendrocopos syriacus* в Центральном Черноземье. В. С. САРЫЧЕВ
- 75 Полевой воробей *Passer montanus* – новый гнездящийся вид в верховьях реки Печоры.
В. В. ТЕПЛОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 51-59 On some characteristics of higher taxons
(theoretical aspect). L. S. STEPANYAN
- 59-60 The record of the broad-billed sandpiper *Limicola
falcinellus* on southern shore of the Gulf of Finland.
A. V. BOGUSLAVSKY
- 60 New record of the broad-billed sandpiper
Limicola falcinellus in Byelorussia.
P. V. PINCHUK, S. V. MOROZ
- 61-66 On feeding behaviour of the little egret *Egretta garzetta*
and squacco heron *Ardeola ralloides* on shallows
and floating vegetation of Nyle.
A. G. REZANOV, A. A. REZANOV
- 66-68 Probable breeding of the pallid harrier *Circus macrourus*
under Moscow. T. V. SVIRIDOVA *et al.*
- 68-72 On rare birds of the Ivanovo Oblast.
V. T. BUTIEV, D. A. SHITIKOV
- 72-75 On expansion of the Syrian woodpecker *Dendrocopos
syriacus* in Central Chernozem region.
V. S. SARYCHEV
- 75 The tree sparrow *Passer domesticus* – a new breeding
species for the upper reaches of the Pechora.
V. V. TEPLOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О некоторых свойствах высших таксономических категорий (теоретический аспект)

Л.С. Степанян

*Второе издание. Первая публикация в 1974**

Элемент субъективности, свойственный высшим таксономическим категориям, имеет несколько значений, которым в общих теоретических построениях систематики присущ различный функциональный смысл. Одно из этих значений заключается в придании высшему таксону того или иного систематического ранга. Субъективный характер этого момента очевиден. Майр (1947), Майр, Линсли и Юзингер (1956), Амадон (Amadon 1970), разбирая этот вопрос, приводят много подтверждений отмеченному положению. Нет сомнений в том, что придание ранга той или иной высшей систематической категории всегда включает в себя элемент субъективности и из-за отсутствия соответствующих критериев в принципе не может быть объективной акцией.

Несколько иначе обстоит дело с другой стороной субъективного характера высших таксонов – с их границами. Здесь следует иметь в виду лишь классификацию по горизонтали, поскольку вопрос о включении в систему ископаемых форм требует существенно иного взгляда на рассматриваемые положения, о чём будет сказано ниже. В цитированных выше работах указывается, что определение границ высших систематических категорий – вопрос субъективного суждения. Во многих случаях создаётся впечатление, что это действительно так. Хорошо известны многочисленные примеры из области, например, орнитологической систематики, когда границы родов, семейств, отрядов в представлении разных авторов выглядят существенно различными. Часть этих случаев по своему существу относится к предыдущему типу, поскольку разное определение границ таксонов нередко определяется приданием разного ранга тем или иным объединениям видов. В других случаях, однако, границы таксона не удаётся достаточно чётко определить не по причине различия мнений относительно ранга его, а скорее по причине нехватки сведений генеалогического порядка.

Относительно таких случаев следует согласиться с мнением Гептнера (1956), что здесь субъективный характер границ не есть свойство таксонов, а лишь этап на пути познания систематических отношений.

* Степанян Л.С. 1974. О некоторых свойствах высших таксономических категорий (теоретический аспект) // *Орнитология* 11: 28-34.

В свете сказанного не совсем определённо звучит заключение о том, что высшие категории субъективны, но они имеют объективную основу, выражающуюся в их биологии и строении (Майр, Линсли, Юзингер 1956). Общность организации и биологии, если она не обусловлена конвергенцией, есть объективная основа для установления филогенетических связей, реальность которых приходится признавать, следуя логике эволюционной теории. Хотя суждения о филогенетических связях возможны лишь в теоретическом плане, весь опыт биологии свидетельствует о необходимости признания их как следствия монофилетического развития. Говоря о высших таксонах в пределах рецентной фауны (т.е. в рамках горизонтальной классификации) и субъективном аспекте их, по-видимому, более последовательно будет видеть объективную основу этих категорий в факте признания генеалогических связей между видами и их группировками и характере этих связей, обуславливающим представление о ветвях филогенетического дерева, хотя сам факт этот есть логическое следствие теории эволюции.

Таким образом, придание определённого ранга высшему таксону, несомненно, есть субъективный элемент в построениях систематики. В то же время определение границ таксона в горизонтальной плоскости носит в гораздо меньшей мере характер фатальной субъективности и имеет тенденцию приближаться к всё более объективному решению, отражающему реально существующие генеалогические отношения группировок видов в природе. Нам кажется, не следует ставить на одну плоскость эти два существенно различных аспекта.

В заключение этого раздела можно ещё заметить, что, по мнению Майра (1947), род – самая реальная из всех высших категорий. На наш взгляд, это по меньшей мере спорное утверждение. Во всяком случае, среди систематиков широко распространено обратное мнение. Подходя к вопросу с позиций всех высказанных выше положений, по-видимому, правильнее будет сказать, что категория рода, в равной мере с другими высшими таксонами, обладает всеми атрибутами объективной и субъективной характеристики.

Классификация не должна и не может выразить филогению, она лишь основана на филогении. Это общеизвестное положение верно в отношении горизонтальной классификации и ещё более верно в отношении классификации, включающей и рецентные, и ископаемые формы. В литературе редко можно найти чётко поставленный вопрос в отношении того, что должна включать в себя система животного мира. Идея создания двух, в большой мере независимых систем – «горизонтальной» и «вертикальной» – была, по всей видимости справедливо, отвергнута большинством наиболее авторитетных систематиков. Подобные идеи не выдерживают критики уже потому, что нет объективного критерия для разграничения того, что могло бы войти в «гори-

зонтальную» и что в «вертикальную» системы. Это означает, что при построении зоологической системы в конечном счёте предполагается включение в неё всех рецентных и ископаемых форм животных. Теоретические перспективы и следствия этой посылки представляют обширное поле для размышлений о понятии таксона в хронологическом аспекте и, как следствие этого, о возможностях создания такой системы. Это – область, в которой наиболее важное значение имеет синтез воззрений палеонтолога, генетика и систематика.

В качестве основной таксономической единицы и теоретически и практически выступает вид. Хотя, как было сказано выше, существует объективная основа для признания реальности высших систематических категорий при горизонтальной классификации, последние, однако, не представляют собой что-либо иное, кроме как мысленно определённым образом сгруппированные виды. Другими словами, это в известных пределах абстракции, основанные на определённой теоретической интерпретации имеющихся фактов. В каждый данный момент истории органического мира существовали только виды и в пределах любого горизонтального среза через историю жизни на нашей планете представлены только видовые единицы (хотя всегда можно указать и популяции, находившиеся или находящиеся в настоящее время в состоянии промежуточном между понятиями «вид» и «подвид», – что, однако, не меняет сути дела).

Определение границ вида в горизонтальной плоскости основано на объективном критерии – репродуктивной изоляции (имеющиеся здесь исключения не могут нарушить принципиальность этого важнейшего положения). Систематик, работающий на материале рецентной фауны, основывается на резкой и чёткой дискретности, обнаруживающейся на видовом уровне. Рецентная дискретность на видовом уровне определяет горизонтальную дискретность тех абстрактно-объективных единиц, которые носят название высших таксонов. Но положение коренным образом меняется, как только возникает идея единой системы для рецентной и ископаемой фаун. Теоретически для реализации этой посылки возникает, по-видимому, непреодолимое препятствие, которое объективно вытекает из всего комплекса воззрений на ход и характер эволюционного процесса. В хронологическом освещении вопрос о субъективных аспектах высших систематических категорий приобретает новое значение, тем более, что здесь картина оказывается сопряжённой с тем, как в этом свете рисуется представление о виде.

Как только взгляд на рассматриваемые положения переключается из горизонтальной плоскости в трёхмерное пространство, так сразу более или менее статичная ситуация, представление о которой сознательно или подсознательно всегда сопровождает рассмотрение этих вопросов в горизонтальной плоскости, уступает место представлениям

о ситуации динамичной. И здесь возникает целый ряд проблем, не свойственных систематическим построениям, связанным только с рецентной фауной.

Первый и важнейший момент, требующий определённой оценки для развития тех или иных взглядов, заключается в том, каким представляется ход и характер эволюционного процесса в смысле его непрерывности или прерывистости. Это старый вопрос в биологии, вокруг которого, как известно, всегда возможны споры. Однако важнее то, что в настоящее время представления большинства биологов, исследующих процесс эволюции с разных позиций и на разном материале, всё более сближаются и по основным пунктам здесь вырисовывается достаточная общность взглядов.

Вопрос о непрерывности (плавности) или прерывистости эволюционного процесса часто служил предметом острой полемики. При этом обычно предполагалась необходимость строго альтернативного решения его. Но, по-видимому, вопрос этот лишён конкретности и его принципиальность – в большой мере лишь кажущийся момент.

Поскольку, с одной стороны, живая материя дискретна и эта дискретность в наиболее резкой форме выражена на уровне организма, с другой – не существует двух тождественных особей, в том числе родителей и потомков, – эти положения уже с очевидностью свидетельствуют о наличии здесь прерывистости. Эта мысль хорошо подчёркнута Симпсоном (1948), отметившим, что достигший полного развития организм абсолютно отграничен от организма, его породившего, и любое, даже самое незначительное, реальное различие между ними будет прерывистым. Сказанное даёт возможность упомянутому автору заключить, что морфологической непрерывности не существует. Развивая это положение, можно добавить, что в таком же смысле не существует любой морфо-функциональной, и что, по-видимому, особенно важно, генетической непрерывности. Вопрос заключается лишь в том, и это особенно существенно, насколько велика прерывистость упомянутого типа. Огромное число фактов, исходящих из разных областей биологии, свидетельствует о том, что эта прерывистость крайне незначительна. В ограниченному ряду генераций её восприятие носит преимущественно теоретический характер, что делает понимание прерывистости эволюционного процесса также преимущественно теоретической категорией. Становление, развитие и накопление новых свойств в прямых филетических линиях и при видообразовании в действительности идёт весьма постепенно. В этой связи Симпсон (1948) замечает, что в случаях, когда палеонтологические данные оказываются достаточно полными, они свидетельствуют о совершенной непрерывности в эволюции таких таксонов, как виды, роды, а иногда и единиц более высокого ранга.

Общий взгляд на характер эволюционного процесса под углом зрения рассматриваемого вопроса наиболее ясно изложен в следующих положениях, основанных на всём арсенале палеонтологических материалов и обобщений: «...мегаэволюция... представляет собой лишь сумму длинной серии непрерывных изменений, которая может быть таксономически разбита на горизонтальные филетические подразделения любой величины, включая подвиды. Если, например, возникает новый класс, то переходные стадии на пути его возникновения можно, на основании морфологических и генетических критериев, разбить на подвиды, виды и т.д. Степень его отличия от предков достигает сначала такого порядка, который, при сравнении друг с другом одновременно существующих групп, был бы признан подвидовым, затем – видовым, потом – родовым и т.д.» (Симпсон 1948, с. 193-194).

Все приведённые здесь соображения Симпсона основаны, как известно, на синтетическом анализе палеонтологических и генетических данных и представляются поэтому весьма серьёзно обоснованными. Надо полагать, что большинство биологов разделяет эти взгляды и последние составляют существенную часть сложившегося представления об эволюционном процессе.

В свете сказанного легко видеть, что в конечном счёте формирование воззрений систематики на все стороны эволюции высших таксонов должно быть сопряжено с представлением о виде, как о динамичной эволюционирующей системе. Проблеме вида и его эволюционных преобразований посвящена многочисленная литература. Здесь необходимо коснуться лишь нескольких самых общих моментов, не затрагивая большинства вопросов этой проблемы. Хотя по всем современным представлениям основной эволюционирующей единицей оказывается популяция, в рамках рассматриваемых вопросов не будет искажением действительности считать таковой вид.

Как уже было сказано, горизонтально вид – чётко отграниченная единица. Это свойство вида определяет всю сущность, характер и структуру органического мира. Оно же, помимо прочего, есть основа систематики. Однако как только мы начинаем рассматривать положение в хронологическом вертикальном аспекте, немедленно обнаруживается, что вид, как категория, перестаёт существовать. Виды сливаются с тем, что было раньше и составляют единую вертикальную непрерывность. Так называемые «аллохронические» виды Майра (1947) есть произвольное понятие, которое можно приложить к любому звену филетического ряда, если это звено искусственно вычленишь из вертикальной линии. Если же располагать исчерпывающим материалом по данному филетическому ряду (что практически никогда не имеет места), то понятие вида по вертикали теряет смысл, поскольку нет никаких оснований проводить здесь какие-либо границы. Поэтому,

нам кажется, замечание Амадона (1970) о том, что место, где следует проводить границу между видами в филетических рядах, есть спорный вопрос, лишено конкретности, так как такой вопрос теоретически не должен возникать.

Как известно, виды каждого данного периода есть потомки видов предыдущего периода и предки последующего. Как верно отмечает Майр (1947), они эволюционируют постепенно и определить их границы было бы совершенно невозможно, если бы мы имели полные сведения об ископаемых формах. Развивая это верное положение, можно ещё раз заметить, что в подобной ситуации нет смысла вкладывать какое-либо принципиальное содержание в понятие «аллохронического» вида. Этот термин и понятие можно использовать лишь из соображений практического удобства.

Далее следует остановиться на одном частном моменте. Майр (1968) указывает, что «между географическими и временными подвидами нет биологического различия» (с. 283). Хотя здесь не совсем ясно, что имеется в виду под словом «биологического», тем не менее можно заметить, что это утверждение, по-видимому, не совсем верно и допускает смешение несколько различающихся явлений. В пределах достаточно длинного вертикального ряда форм, где развитие шло по типу филетической эволюции, выделение по вертикали любых таксонов, в том числе и подвигов, есть условность, так как здесь не существует границ. Кроме того, допускаемое разграничение, основанное на разрывах, обусловленных фрагментарностью имеющихся данных, возможно только во времени. Если же говорить о географических подвидах, то они сами по себе есть свидетельство протеканий эволюционного процесса по типу дивергентной эволюции, или видообразования. В трёхмерном пространстве первый случай выглядит как единая вертикальная линия, в то время как второй – обладает тенденцией к дивергенции, т.е. к расщеплению линии. Во втором случае допускается возможность не только искусственного разграничения этих таксонов во времени, но и разграничения их в пространстве на более поздних этапах процесса дивергенции. Кроме того, первый случай на горизонтали даёт картину, очевидно, монотипического вида, в то время как второй – картину политипического вида. Можно думать, что монотипический вид не может быть по всем биологическим параметрам равноценен подвиду политипического вида, что должно было бы логически следовать из упомянутого заключения Майра. Таким образом, существует ряд трудностей для принятия этого заключения.

Несмотря на огромный прогресс, достигнутый биологией в области изучения эволюционного процесса, изображение филогенетических отношений лучше всего может быть передано с помощью одного из самых старых приёмов – филогенетического древа в трёхмерном про-

странстве, или трёхмерной схемой. При этом угол между смежными ветвями такого дерева условно может выражать скорость эволюции, а расстояние между ними на горизонтальном срезе – степень расхождения таксонов. Толщина ветвей также может нести смысловую нагрузку, иллюстрируя, например, на горизонтальном срезе объём группы. Однако абстракции типа филогенетического дерева, как и всякие другие, хотя и обобщают воззрения, но при этом, конечно, упрощают и схематизируют действительность. Как было сказано, в природе в каждый данный момент существуют только виды. Здесь и выше имеется в виду животное царство. При этом гипотетические представления о начальных этапах дифференциации живой материи, находившейся на довидовом уровне, имеющиеся, в частности, в работе К.М.Завадского (1967), не рассматриваются. Любая новая категория возникает не как отряд, класс или тип. Она возникает как новый вид (Симпсон 1948; Майр 1968). Эта точка зрения была высказана ещё Ч.Дарвином (1939). Подтверждение её в той или иной форме можно найти в трудах многих биологов-эволюционистов (Северцов 1922; Шмальгаузен 1938, 1940, 1946; Завадский 1967; и др.). Однако, даже если не придерживаться столь ортодоксальных кладистических взглядов на монофилию высших таксонов и определять монофилетический принцип с позиций понятия «града» (что более основанно), т.е. допускать известный уровень полифилии высших таксонов, то и тогда развиваемые ниже соображения не меняют своей сущности. Таким образом, конкретизируя строение филогенетического дерева, следует заметить, что его ствол и ветви составлены лишь суммами непрерывных филетических прямых или дивергирующих и радирующих линий. Каждая из этих линий в любой точке при горизонтальном срезе даёт картину вида. В целом вся ситуация во времени и в трёхмерном пространстве даёт картину непрерывных и связанных на том или ином горизонтальном уровне эволюционирующих популяций. При этом здесь не имеют значения различия в темпах эволюции отдельных линий или ветвей, поскольку непрерывность в указанном смысле этим не нарушается.

Подобный взгляд на ход эволюционного процесса и филогенетические отношения, по-видимому, наиболее полно соответствуют всей массе и многообразию фактов, собранных биологией. Как удачно заметил Парамонов (1967), из диалектики эволюционного процесса неопровержимо вытекает идея безграничности жизни как особой формы движения. Таксономические следствия обрисованной картины, как кажется, достаточно определённы, хотя психологически и мало оптимистичны.

Из всего сказанного видно, что идея единой системы для всех рецентных и ископаемых форм есть нонсенс. Возможность включать в существующую систему животного мира ископаемые формы основыва-

ется только на неполноте и фрагментарности палеонтологических сведений. Разрывы в имеющихся данных дают чисто механическую возможность для отграничения ископаемых форм в пределах тех или иных филогенетических линий, что позволяет выявленные филетические звенья включать наряду с рецентными формами в единую систему. Подобное положение, несомненно, практически будет сохраняться неограниченно долго. Однако теоретическая основа его весьма шатка. Включение ископаемых форм в систему рецентных видов вносит весьма существенный вклад в общее разъяснение филогенетических отношений конкретных групп и поэтому следует приветствовать сохранение этого принципа. Однако, как было отмечено, здесь не может сознательно преследоваться цель создания единой системы для всех рецентных и всех ископаемых форм. Теоретически и, следовательно, практически это невыполнимая задача. Чем больше мы будем иметь палеонтологических данных, тем меньше будет возможностей строить единую классификацию, хотя филогенетические отношения при этом будут вырисовываться всё более отчётливо.

Следующий отсюда вывод заключается в том, что наиболее существенная сторона субъективного элемента высших таксономических категорий, если предпринимается попытка единой классификации всех рецентных и ископаемых форм, заключается не в тех положениях, которые были упомянуты в начале этой статьи, а, следуя всем изложенным выше соображениям, в том, что любая из этих категорий не может быть объективно отграничена по вертикали. Поэтому утверждение Майра (1968) о том, что самых первых представителей какой-либо новой высшей категории включили бы в категорию, из которой они произошли, если бы не были известны их потомки, выглядит непоследовательным. Дело в том, что если помимо всей цепи потомков известна ещё и вся линия предков, то в пределах такого полного филетического ряда бессмысленно говорить о таксономическом включении каких-то звеньев его в выше- или нижерасполагающиеся разделы. Здесь нет и не может быть таксономической дискретности.

В трёхмерном пространстве объективность высших систематических категорий проявляется в том, что они есть абстрагированное представление о монофилетических объединениях видов, которые на филогенетическом древе рисуются как ветви той или иной толщины. Монофилия выступает здесь как объективная основа построения. Субъективный же момент заключается в невозможности определения границ этих категорий в вертикальных филогенетических последовательностях, поскольку этих границ объективно не существует.

Всё изложенное хорошо иллюстрирует известное положение, согласно которому филогения представляет собой единственную логически объективную основу для создания классификации. Но классифи-

кация не есть изображение филогении. Это лишь логическое построение, основанное на филогении и составленное из категорий, имеющих объективные и субъективные элементы характеристики.

Литература

- Гептнер В.Г. 1956. Предисловие к русскому изданию // *Методы и принципы зоологической систематики* / Э.Майр, Э.Линсли, Р.Юзингер. М.
- Дарвин Ч. 1939. Происхождение видов // *Соч.* М.; Л., 3.
- Завадский К.М. 1967. Вид как форма существования жизни. Структура вида. Видообразование // *Современные проблемы эволюционной теории.* М.
- Майр Э. 1947. *Систематика и происхождение видов.* М.
- Майр Э. 1968. *Зоологический вид и эволюция.* М.
- Майр Э., Линсли Э., Юзингер Р. 1956. *Методы и принципы зоологической систематики.* М.
- Парамонов А.А. 1967. *Пути и закономерности эволюционного процесса // Современные проблемы эволюционной теории.* М.
- Северцов А.Н. 1922. *Этюды по теории эволюции.* М.
- Симпсон Д.Г. 1948. *Темпы и формы эволюции.* М.
- Шмальгаузен И.И. 1938. *Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии.* М.; Л.
- Шмальгаузен И.И. 1940. *Пути и закономерности эволюционного процесса.* М.; Л.
- Шмальгаузен И.И. 1946. *Факторы эволюции.* М.; Л.
- Amadon D. 1970. Taxonomic categories below the level of genus: theoretical and practical aspects // *J. Bombay Nat. Hist. Soc.* 67, 1.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 59-60

О встрече грязовика *Limicola falcinellus* на южном берегу Финского залива

А.В.Богуславский

Литейный проспект, д. 30, кв. 38, Санкт-Петербург, 191028, Россия

Поступила в редакцию 30 декабря 2009

Грязовика *Limicola falcinellus* очень редко удаётся наблюдать в Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983), поэтому каждая встреча с ним заслуживает специального упоминания. Мне довелось встретить грязовика 18 июля 1988 на южном берегу Финского залива около посёлка Большая Ижора (59°57' с.ш., 29°35' в.д.). Птица была очень доверчива и позволила рассмотреть себя с близкого расстояния.

Литература

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-480.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 60

Новая регистрация грязовика *Limicola falcinellus* в Белоруссии

П.В.Пинчук, С.В.Мороз

Второе издание. Первая публикация в 2002*

При проведении учётов мигрирующих водно-болотных птиц 24 июля 2000 в пойме реки Припяти на открытом пойменном лугу в окрестностях деревни Погост (Житковичский район, Гомельская область, 52° 03' с.ш., 27°46' в.д.) были отмечены два грязовика *Limicola falcinellus*, кормившиеся на грязевой отмели в смешанной стае с 2 галстучниками *Charadrius hiaticula*, 1 травником *Tringa totanus* и 3 фифи *Tringa glareola*. Птицы наблюдались в 15-кратный бинокль с расстояния 15-20 м в течение 10 мин. По состоянию оперения (очень узкие беловатые полосы по краям верхних кроющих крыла, более тёмная окраска щёк, шеи и груди) наблюдаемые птицы были определены как взрослые. Указанная регистрация грязовика является третьей для Белоруссии и первой после 1925 года (Федюшин, Долбик 1967; Никифоров и др. 1997).

Литература

Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К. 1997. *Птицы Беларуси на рубеже XXI века: Статус, численность, распространение*. Минск: 1-188.

Федюшин А.В., Долбик М.С. 1967. *Птицы Белоруссии*. Минск: 1-520.

* Пинчук П.В., Мороз С.В. 2002. Новая регистрация грязовика (*Limicola falcinellus*) в Беларуси // *Subbuteo* 5, 1: 53.

О кормовом поведении малой белой *Egretta garzetta* и жёлтой *Ardeola ralloides* цапель на мелководьях и сплавинах Нила

А.Г.Резанов, А.А.Резанов

Кафедра биологии животных и растений, Московский городской педагогический университет, ул. Чечулина, д. 1, Москва, 119004, Россия. E-mail: RezanovAG@ins.mgpu.ru

Поступила в редакцию 14 октября 2009

14-17 августа 2009 во время поездки по Нилу (Асуан – Луксор) на теплоходе, во время лодочных маршрутов и на остановках (например, на острове Китченер около Асуана, в Асуане и др.), мы неоднократно наблюдали многочисленных здесь малых белых *Egretta garzetta* и жёлтых цапель *Ardeola ralloides*, кормящихся на прибрежных сплавинах и на мелководье у берега. На мелководьях и сплавинах Нила малые белые цапли, наряду с жёлтыми, были самыми многочисленными цаплями. Например, на одной из сплавин протяжённостью 1 км мы учли не менее 300 малых белых и жёлтых цапель. Птицы охотились в одиночку, не образуя каких-либо явных агрегаций. Обширные сплавины, на которых всегда держалось множество цапель, а также кулики, чайки и пастушковые, тянулись вдоль обоих берегов Нила практически на всём протяжении маршрута. Общее число малых белых и жёлтых цапель исчислялось тысячами особей.

Малая белая цапля *Egretta garzetta*

По нашим наблюдениям малая белая цапля использовала следующие кормовые методы:

1) **«Пешая охота» на сплаvine в сочетании с периодическими взмахами крыльев.** При ходьбе (от медленной до быстрой) цапли по сплаvine глубина погружения её ног обычно не превышала интертарзального сустава, т.е. глубины полной цевки. Взмахи крыльев при резком клевке-броске, по-видимому, выполняли функцию удержания равновесия.

2) **«Пешая охота» на сплаvine в сочетании с постоянными взмахами крыльями.** В одном случае, цапля шла по сплаvine в течение минуты, и через каждую секунду производила серию взмахов крыльями продолжительностью 3-4 с каждая. Также отмечено кратковременное фиксирование «навеса» из крыльев (есть фотографии), когда распротёртые крылья почти касались кончиками маховых перьев поверхности сплавины и, действительно, представляли собой

своеобразный навес. Шея цапли при этом была слегка втянута в плечи и клюв направлен под углом 30-40° к воде, но голова, как бывает при «охоте под навесом», не убиралась под распротёртые крылья. Собственно охоты (клевков) «под навесом» мы не наблюдали.

3) **Бег по сплавине с широко раскрытыми и разведёнными в стороны крыльями** (как будто птица летит над самой водой). По-видимому, такое поведение может способствовать визуализации добычи, провоцируя её активность.

4) **Подкарауливание добычи на мелководье.** Во время поездки по Нилу мы постоянно наблюдали одиночных малых белых цапель, стоящих неподвижно на мелководье у кромки тростниковых зарослей и караулящих добычу.

5) **«Пешая охота» вдоль уреза воды.** Цапли ходили вдоль уреза воды (по берегу и с заходами на мелководье) и высматривали добычу. Иногда патрулирование уреза сочеталось с остановками – подкарауливанием.

6) **Ходьба вдоль уреза в ожидании «корабельных волн».** Наблюдали только в одном случае. За 1 мин цапля сделала 2 клевка – практически это были броски, с погружением по грудь в воду.

7) **Подкарауливание рыбы, собирающейся во время жары в тени корабля, стоящего у причала.** В частности, в Асуане у причала раздельно охотились 4 цапли (2 взрослые и 2 молодые). Цапли подкарауливали рыбу у воды или медленно ходили по бетонированной кромке берега, полого спускающейся в воду около стоящего у причала теплохода, где в тени собиралась рыба. О том, что причал использовался ими постоянно, можно было судить по обилию их помёта на бетонных плитах. Цапли отличались высокой толерантностью по отношению к человеку, вплотную приближались к корабельному трапу, по которому ходили люди. Некоторые птицы отдыхали на лодках и яхтах, стоящих поблизости. Местные жители на цапель обращали не больше внимания, чем мы на привычных для нас ворон или голубей. Днём на мелководье у открытого берега из-за высокой температуры воздуха (в отдельные дни до +45-47°С в тени) рыба не могла находиться и пряталась в тень стоящих у причала судов или держалась под сплавинами. По-видимому, именно по этой причине большинство цапель кормилась на прибрежных сплавинах.

В целом можно констатировать, что нативные кормовые методы №№ 1, 2 и 5 (возможно, также 3 и 4) были довольно обычными. Кормовые методы №№ 6 и 7, по сути, являются антропогенными модификациями кормового поведения, развившимися на базе нативных кормовых методов: 1) выжидание на урезе ветровых волн и 2) охота в местах собирания рыбы в естественной тени.

Большинство авторов отмечает чрезвычайную подвижность малой

белой цапли во время «пешей охоты» на мелководье: птица бежит, совершая резкие повороты, прыжки, взмахивает крыльями (Кокшайский 1966; Михеев, Орлов, Резанов 1976; Urban *et al.* 1982; Березовиков, Гисцов 1994; Резанов, Кошелев, Фурманова 1998; Резанов, Резанов 2004); иногда, даже при спокойной ходьбе, когда нет необходимости в балансировании крыльями, резкие взмахи крыльев (возможно выпугивание добычи) непосредственно предшествуют клевку (Резанов, Кошелев, Фурманова 1998). В некоторых случаях цапля бежит по мелководью с раскрытыми крыльями (Cramp, Simmons 1978). Такое поведение при определённых обстоятельствах характерно для рассматриваемого вида в самых разных частях его ареала. Но, например, в Непале на рисовых чеках одиночные малые белые цапли, охотясь за мелкой рыбёшкой, медленно бродили по мелководью, делая отдельные клевки. Активной охоты с пробежками и взмахами крыльев не было (Резанов 1999). Биологический смысл резких взмахов крыльями объясняют по-разному – в основном как действия, провоцирующие движения добычи, а также как способ поддержания равновесия (например, балансирование крыльями во время охоты на сплавинах) и повышения скорости во время преследования подвижной добычи. Очевидно, что всё перечисленное имеет место, т.е. это полифункциональные действия, когда балансирующие или ускоряющие взмахи крыльями провоцируют выпугивание добычи. По мнению Н.В.Кокшайского (1966) такие движения, ассоциированные с выпугиванием добычи, могли закрепиться отбором. Более того, в некоторых случаях, которые мы наблюдали (подтверждено фотографиями), развернутые в горизонтальной плоскости крылья могли выполнять функцию своеобразного навеса. Хотя, конечно, такой вариант охоты ещё нельзя назвать «охотой под навесом», как у чёрной африканской цапли *Melanophox (Egretta) ardesiaca* (Delacour 1946; Markus 1963; Brown *et al.* 1982). Но, для ряда североамериканских видов цапель описана т.н. «кормёжка под крылом» (underwing feeding), когда цапля во время ходьбы полностью раскрывает крылья, держит их открытыми, и клюёт добычу из-под крыла (Meyerriecks 1960).

Нам представляется, что мнение о широком распространении выпугивания крыльями добычи, наблюдаемое у некоторых североамериканских цапель (Meyerriecks 1960; Kushlan 1976), связано прежде всего с тем, что в США проводились скрупулёзные наблюдения за кормовым поведением цапель. Для мелких подвижных видов характерны пробежки с раскрытыми крыльями. Эти повадки характерны для солнечной погоды, когда быстро движущаяся тень пугает мелкую рыбу и делает её заметной (Кокшайский 1966). Если исходить из предположения, что такие движения крыльями выполняют также функцию балансирования, они должны использоваться цаплями при любой по-

годе, в т.ч. и при пасмурной. За всё время наших наблюдений небо было безоблачным, так что проследить поведение при разной погоде у нас не было возможности. Н.В.Кокшайский (1966) отмечал, что ему не приходилось с достоверностью наблюдать использование крыльев для стимуляции подвижности добычи. Да и как это возможно, поскольку балансирующие взмахи крыльями, одновременно со своим прямым предназначением, должны провоцировать движение добычи.

Выжидание корабельных волн, вероятно, довольно обычное поведение для «береговых популяций» цапель. Подобное поведение мы наблюдали на Оке у серых цапель *Ardea cinerea* (Резанов 1998).

В заключение заметим, что перечисленные кормовые методы, хотя и составляют некое ядро стереотипа кормового поведения вида, не исчерпывают весь видоспецифический их набор.

Жёлтая цапля *Ardeola ralloides*

На основе проведённых наблюдений были выделены следующие кормовые методы.

1) **Подкарауливание (часто в сочетании с подкрадыванием).** Птица стоит на сплаvine или у берега (обычно у кромки тростниковых зарослей) иногда по брюхо в воде и внимательно всматривается в воду. Если дистанция между хищником и жертвой не сокращается, цапля подкрадывается, делая большие медленные шаги, вытянув шею вперёд в горизонтальном направлении. При сокращении расстояния до дистанции атаки, цапля медленно складывает и затем молниеносно распрямляет шею. Аналогичное кормовое поведение один из авторов наблюдал у жёлтых цапель во время осеннего пролёта в Дагестане (Резанов 1976).

2) **«Пешая охота» на мелководье (сплаvine).** Цапля медленно большими шагами идёт по сплаvine, вытянув вперёд шею и высматривая добычу. Возможно, такой вариант охоты можно расценивать и как попутный, когда цапля после неудачного подкарауливания ищет новое место для охоты.

3) **«Пешая охота» на сплаvine с «балансирующими» взмахами крыльев.** Медленная ходьба по сплаvine и «балансирующие» (и выпугивающие) взмахи крыльями; иногда во время ходьбы цапля как бы «фиксирует» крылья под углом вверх. Н.В.Кокшайский (1966) отмечал у жёлтой цапли балансирование крыльями при движении по зыбкому субстрату.

4) **Подкарауливание добычи с низкой присады, расположенной над водой.** Цапля неподвижно сидит на присаде (залом тростника, ветка дерева), находящейся над самой водой. Но клевков или бросков (ныряний) в воду из этого положения мы не наблюдали. В принципе, возможны оба варианта. В частности, ныряние в воду с

присады обычно для *Butorides virescens* (Meyerriecks 1960; Kushlan 1976), *Nycticorax caledonicus* (Hobbs 1956). В августе 1987 года один из авторов наблюдал в низовьях Дона, как жёлтые цапли и кваквы *Nycticorax nycticorax* подкарауливали добычу с прибрежных коряг. Вероятно, это один из самых практикуемых ими кормовых методов.

В сводке по птицам Западной Палеарктики (Cramp, Simmons 1978) сведения по кормовому поведению жёлтой цапли отсутствуют, а в «Птицах Африки» (Brown *et al.* 1982) указывается только такой кормовой метод, как медленное подкрадывание (slow stalk) с последующим клевком.

В отличие от малой белой, для жёлтой цапли больше характерны малоактивные кормовые методы: подкарауливание в сочетании с подкрадыванием и разыскивание добычи во время медленной ходьбы. Поскольку неподвижное положение птиц на сплавине сопровождается частичным погружением её в воду, жёлтые цапли охотились на большей глубине, чем малые белые.

Литература

- Кокшайский Н.В. 1966. Морфология и поведение (на примере пищедобывательной активности цапель) // *Механизмы полёта и ориентации птиц*. М.: 169-223.
- Михеев А.В., Орлов В.И., Резанов А.Г. 1976. Зимовки аистообразных в низменном Азербайджане // *Фауна и экология позвоночных животных*. М.: 3-21.
- Резанов А.Г. 1976. Некоторые данные по экологии аистообразных на стоянках во время пролёта (западное побережье Каспия) // *Современные проблемы зоологии и совершенствование методики её преподавания*. Пермь: 322-324.
- Резанов А.Г. 1998. Эволюция антропогенных кормовых методов птиц // *Влияние антропогенных факторов на структуру и функционирование биоценозов и их отдельные компоненты*. М.: 5-17.
- Резанов А.Г. 1999. Заметки по кормовому поведению птиц Непала // *Рус. орнитол. журн.* 8 (68): 6-16.
- Резанов А.Г., Кошелев А.И., Фурманова В.П. 1998. Кормодобывательная активность и поведение цапель в Северном Приазовье // *Исследования многообразия животного мира*. Одесса: 96-102.
- Резанов А.Г., Резанов А.А. 2004. Орнитологические наблюдения на Кипре в августе 2002 года // *Рус. орнитол. журн.* 13 (254): 189-198.
- Brown L.Y., Urban E.K., Newman K. 1982. *The Birds of Africa*. London, 1: 1-521.
- Cramp S., Simmons K.E.L. 1978. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic. Vol.I. Ostrich to Ducks*. Oxford Univ. Press.: 1-722.
- Delacour J.C. 1947. Under-wing fishing of the Black Heron, *Melanophoyx ardesiaca* // *Auk* 63: 441-442.
- Hobbs J.N. 1956. Nighth-heron's feeding habits // *Emu* 56, 1: 6.
- Kushlan J.A. 1976. Feeding behavior of North American Herons // *Auk* 93, 1: 86-94.
- Markus M.B. 1963. The black heron // *Vokmakierie* 15, 2: 21-22.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 66-68

Вероятное гнездование степного луня *Circus macrourus* в Подмосковье

Т.В.Свиридова, А.В.Шариков,
С.В.Волков, И.А.Пескова

Второе издание. Первая публикация в 2008*

До недавнего времени степной луень *Circus macrourus* считался исчезнувшим с территории Московской области (Красная книга Московской области 1998), хотя вплоть до 1950-х годов его численность в Подмосковье возрастала (Птушенко, Иноземцев 1968). С 1960-х годов по 1990-е достоверных встреч степного луня в Московской области не было. Единичные залёты отмечены В.В.Морозовым и В.А.Зубакиным в апреле 1991 и 1998 годов в Воскресенском районе, а также в сентябре 1997 года в Шатурском районе (Красная книга... 1998; Мир птиц 1998). Охотившуюся самку отмечали также в пойме реки Дубны (Блохин и др. 1998), однако следует иметь в виду, что полевое определение самок этого вида весьма затруднительно. Возможность гнездования степного луня в южных районах области допускалась, однако оно не было подтверждено фактами.

Мы располагаем данными о регулярном пребывании степных луней в Талдомском районе Московской области в последние годы.

Первая встреча степного луня зарегистрирована здесь 31 мая 1997. Одиночного охотящегося самца наблюдал Энтони Три (устн. сообщ.) в окрестностях деревни Пенское. В 1999 году степные луни появились в районе исследований, как и в 1997, довольно поздно: 31 мая отмечена пара птиц в юго-западной части Апсаревского урочища; 1 июня встречен одиночный самец, охотившийся в центральной и северной частях урочища. Наблюдения за упомянутой парой степных луней позволяют достаточно обоснованно утверждать, что луни здесь гнездились. Утром 8 июня наблюдали передачу корма от самца самке, которая сопровождалась звуковыми сигналами, издававшимися самкой. Передача корма

* Свиридова Т.В., Шариков А.В., Волков С.В., Пескова И.А. 2008. Вероятное гнездование степного луня в Подмосковье // *Редкие виды птиц Нечерноземного центра: Материалы 3-го совещ. «Редкие виды птиц Нечерноземного центра»* (Москва, 1-3 декабря 2000 г.). М.: 206-207.

происходила в том же месте, где отмечали пару 31 мая. 9 июня при нашей попытке найти гнездо на этом участке самец тревожно кружил над наблюдателем и пикировал на человека, когда тот оказывался неподалёку от небольшой обводнённой болотины. Самка не взлетала, и гнездо найдено не было. 14 и 19 июня в течение дня самец неоднократно атаковал серых ворон *Corvus cornix*, пытавшихся приблизиться к центру гнездового участка, а также прогонял из этого места чёрного коршуна *Milvus migrans* и полевого луня *Circus cyaneus*. Здесь же самец отдыхал на постоянной присаде и близлежащей пашне, а также охотился. Вечером 19 июня была отмечена передача корма самке, вылетевшей всё из той же закустаренной западины. В месте приземления самки оказалась просто кормовая присада, а её возвращение на гнездо не удалось отследить из-за высокой травы и кустарника. При очередной попытке найти гнездо в непосредственных окрестностях присады самец неоднократно пикировал на наблюдателя с постоянными тревожными криками, буквально «садясь ему на голову». Центр защищаемой территории (предполагаемое место гнезда) располагалось в небольшой сильно закустаренной западине среди лугов, примерно в 100 м от пашни. Место, где наблюдались передачи корма и атаки самца, представляло собой мозаику из кочкарников с высотой осоковых кочек до 0.5 м, осушенных участков с высокотравьем из крапивы и иван-чая, ивы, берёз, кустарников и небольшого заросшего осоками и тростником болотца. Общая площадь этого участка составляла около 10 га. К сожалению, само гнездо в период насиживания обнаружить так и не удалось. К моменту вылупления оно было, видимо, разорено, скорее всего воронами. Наблюдения 27 июня однозначно показали, что гнезда уже не существует: обе птицы ещё держались в непосредственных окрестностях западины, однако попыток обогревать или кормить птенцов не было. Более того, самец ни разу не пытался атаковать хищников, в частности ворон, облюбовавших его постоянную присаду.

В 2000 году до 17 мая степных луней не наблюдали в районе исследований. Во время кратковременных проверок 1 июня встретили пару степных луней и самца в окрестностях той же западины, где их наблюдали в 1999 году. Однако статус их пребывания в 2000 году остался не ясен. Никаких следов пребывания здесь степных луней 2 и 8 июня 2000 не отмечено.

Одиночные самцы степного луня отмечены на указанной территории также в пролётное время 26 августа 1999 и 11 сентября 2000 (С.Л.Смирнова, устн. сообщ.).

Наши наблюдения позволяют предполагать, что степные луни вновь начали осваивать Подмоскowie в качестве гнездового района. При этом создаётся впечатление, что они появляются весной в Под-

московье значительно позже других видов луней. Другими исследователями высказывались предположения о возможном смещении области гнездования вида к северу (Морозов 1998).

Л и т е р а т у р а

- Блохин Ю.Ю., Руденко Р.А., Блохин А.Ю. 1998. Редкие и интересные птицы Подмосковья на территории Шаховского и Сергиево-Посадского районов // *Орнитология* 28: 220-221.
- Морозов В.В. 1998. Степной лунь *Circus macrourus* на юге Ямала // *Рус. орнитол. журн.* 7 (47): 3-5.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-460.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 68-72

О редких видах птиц Ивановской области

В.Т.Бутьев, Д.А.Шитиков

Второе издание. Первая публикация в 2008*

Современные представления о состоянии популяций редких птиц Ивановской области остаются ещё поверхностными и фрагментарными, несмотря на наличие ряда специальных статей, опубликованных в последние годы и обобщающей работы «Птицы Ивановской области» (Герасимов и др. 2000). Поэтому мы считаем целесообразным изложить краткие сведения о ряде редких видов, собранные в 1995-2000 годах на юге Ивановской области, в Тейковском районе (стационар в окрестностях деревень Сокатово – Шумилово; см.: Бутьев 1998), а также в 12 точках других районов в мае-июне 1995 года в ходе выполнения проекта «Коростель в Восточной Европе». Часть этих материалов, посвящённая коростелю *Crex crex* и редким видам куликов, уже опубликована (Бутьев и др. 2000).

Pandion haliaetus. Одиночную птицу наблюдали 9 июня 1995 над берегом Горьковского водохранилища, в устье речки Ячменки.

Circus cyaneus. На стационаре в окрестностях деревень Сокатово-Шумилово пара полевых луней продолжает успешно гнездиться примерно на той же территории, что и в начале 1990-х (Бутьев 1998).

* Бутьев В.Т., Шитиков Д.А. 2008. О редких видах птиц Ивановской области // *Редкие виды птиц Нечерноземного центра: Материалы 3-го совещ. «Редкие виды птиц Нечерноземного центра» (Москва, 1-3 декабря 2000 г.)*. М.: 100-103.

Взрослые птицы, а с конца июля и молодые, постоянно встречались во все годы наблюдений (1995-2000) на площади примерно в 4 км². Число лётных молодых в конце июля – начале августа обычно составляло 2-3 особи. В 2000 году, очевидно, другая пара полевых луней держалась в 5 км западнее Шумилово между посёлком Нерль и деревней Гари. Кроме того, в 1995 году полевые луни были отмечены: 23 мая самец у деревни Новоселки Гаврилово-Посадского района; 1-2 июня пара и самец во втором годовом наряде в пойме речки Лух у деревни Пеньки Лухского района; 5 июня одна особь у деревни Крутово Ивановского района; 6 июня одна птица у деревни Горкино Родниковского района; 9 июня одна особь в устье Ячменки (Пучежский район).

Coturnix coturnix. В рассматриваемый период в пределах области перепел оказался достаточно обычным видом: из 12 обследованных точек в 1995 году он был встречен в 9, при этом на суммарной учётной площади в 30.4 км² было зарегистрировано 60 токующих самцов. Таким образом, средняя плотность населения составила около 2 токующих самцов на 1 км² (0.4-2.7 самца на 1 км²).

Наибольшее число перепелов наблюдалось на обширных сенокосных лугах и заброшенных пашнях у деревни Ивашево Ильинского района, в пойме реки Уводь у села Вознесенское (Савинский район), на сельскохозяйственных землях вдоль шоссе Шуя–Палех у деревни Новая и вблизи села Жирятино Вичугского района.

На стационаре в районе Сокатово перепела отмечались ежегодно. Весной наиболее ранняя встреча (по крикам самцов) зарегистрирована 6 мая 1995; 21 мая 1996 на площади 0.8 км² токовало уже 3 самца, хотя 10 мая их ещё не было. На площади 2.2 км² полей зерновых, сенокосных лугов и пастбищ в период 1995-2000 регистрировалось от 2 до 6 самцов. Сравнительно низкой численность вида была в 1997-1998 годах, в 1999-2000 она увеличилась в 3 раза. При этом весна 1999 года характеризовалась достаточно низкими температурами, особенно в первой половине мая, но уже с конца этого месяца дневные температуры повысились до +20-25°C. Лето этого года было очень жарким и сухим. В 2000 году весь май был необычно холодным – во второй декаде выпал снег и лежал 2-3 дня, температура снизилась до +2-3°C. Вегетация наземной растительности задержалась против нормы на 1.5 недели; прилёт (первые крики перепелов) пришёлся лишь на последнюю пятидневку мая. Тем не менее именно в 2000 году наблюдалось наибольшее число токующих самцов. На соседних территориях они также были весьма обычны.

Токовые крики перепелов в районе исследований прекращаются в первой декаде августа (в 1996 и 1998 годах – 5 августа). Выводок лётных молодых (5 особей) размером немного уступающим взрослым был вспугнут на поле ячменя 13 августа 1996.

Pluvialis squatarola. Никем из предыдущих исследователей тулес в области не отмечался. 21 октября 1996 стая тулесов в 30-40 особей кормилась на скошенном поле у деревни Шумилово.

Pluvialis apricaria. Стая молодых золотистых ржанок примерно в 30-40 особей кормилась 15 сентября 1999 на пастбище у Шумилово.

Picus canus. В Ивановской области седой дятел отмечен как редкий гнездящийся вид (Герасимов и др. 2000), хотя никакие прямые доказательства его гнездования не приведены. В гнездовой период были известны лишь 2 встречи – пары 14 мая 1996 и молодой птицы 26 июня 1990.

Нами этот вид наблюдался на стационаре в районе Сокатово, причём до 1995 года только в осеннее время (Бутьев 1998). В последующие годы встречи седого дятла стали здесь более частыми: 2 июня 1997 пара птиц демонстрировала элементы брачного поведения, перелетая по крупным деревьям в деревне Шумилово; в 1998 году крики седого дятла отмечены 25 марта и 25 июля на окраине этой же деревни на территории бывшего парка с сохранившимся старыми деревьями и густым подростом и подлеском. Взрослая особь отмечена здесь же 5-6 ноября. В 2000 году взрослые дятлы и их крики неоднократно регистрировались как в самой деревне, так и в её окрестностях в течение всего лета. Кроме того, 7 июля 2000 самец седого дятла обнаружен на опушке лиственного леса в 1.5 км от Шумилово. Таким образом, на указанной территории достаточно постоянно обитает по крайней мере одна пара птиц, гнездование которой вполне возможно. Уместно отметить, что специальных поисков гнёзд нами не проводилось.

Picus viridis. Обычный гнездящийся вид Ивановской области (Герасимов и др. 2000). Однако в 1990-е годы мы встречали зелёного дятла очень редко. Так, на стационаре отдельные птицы были отмечены: 29 октября 1993 самка разрывала муравейник на опушке смешанного леса; 20 мая 1996 в роще высокоствольных тополей на окраине Шумилово; 9 августа – 22 сентября 1996 одиночные дятлы постоянно встречались в самой деревне и на её окраинах. В 1997 году зелёного дятла зарегистрировали 1 мая в старом парке Шумилово, а 30 сентября одиночная птица замечена на опушке леса в 2 км южнее деревни. В июне 1998 года самка кормилась на высоких деревьях и в садах, а в 2000 году птицы встречались в деревне неоднократно во второй половине лета. Таким образом, в последние годы в районе Шумилово держались, возможно, 2 пары зелёных дятлов, гнездование которых пока не доказано. При учётах в других районах области в 1995 году зелёный дятел не встречен.

Dendrocopos leucotos. В первой половине 1990-х годов мы считали белоспинного дятла немногочисленным гнездящимся видом в районе стационарных наблюдений в окрестностях Сокатово–Шумилово (Бутьев

1998). В 1995-2000 годах его статус здесь существенно не изменился. Почти ежегодно взрослые и молодые птицы часто встречались в Шумилово начиная с конца июня. Они кормились у домов на старых ивах и тополях, изредка залетая в частные сады. В июне 1999 наблюдали, как самка докармливала 2 молодых птиц, свободно перелетавших за ней. В отличие от 1992 года, когда в деревне было обнаружено дупло (Бутьев 1998), в последние годы гнездование белоспинных дятлов в самой деревне осталось не доказанным. Не исключено, что летние и раннеосенние встречи взрослых особей и выводков относятся к птицам, переместившимся из ближайшего леса, расположенного в 0.5 км от деревни. В этом лесу одиночный белоспинный дятел отмечен 5 октября 1996.

Lanius excubitor. Одиночный серый сорокопуд охотился 30 октября 1995 у деревни Шумилово, а 3 ноября 1997 примерно в этом же месте на опушке леса встречена ещё одна особь.

Nucifraga caryocatactes. Для Ивановской области кедровка рассматривается как редкий пролётный или кочующий вид, встречающийся только осенью и не ежегодно (Герасимов и др. 2000). Между тем, в районе наших стационарных наблюдений встречи кедровок или регистрации их криков в лесном массиве (20 км²) на левом берегу реки Нерль происходили регулярно начиная с 1994 года (Бутьев 1998). В последние пять лет эти птицы отмечены: 21 октября 1995, 14 августа 1997, 18 сентября 1999, 14 апреля и неоднократно в мае и августе 2000. 2 июня 1995 крик кедровки был зарегистрирован у деревни Новая Нуйского района. Добытая в сентябре 1999 года у деревни Бушариха (Тейковский район) самка относится к номинативному подвиду *N. c. caryocatactes*, гнездящемуся, в частности, в соседней Московской области. Поэтому в Ивановской области гнездование кедровки также вполне возможно.

Hippolais caligata. В Ивановской области северная бормотушка считается редким залётным видом (Герасимов и др. 2000). Однако нами она неоднократно отмечена в мае 1995 года в нескольких точках: 24 мая три поющих самца в кустарниках у небольшого болотца и во влажной пойме ручья в Гаврилов-Посадском районе; 26 мая один поющий самец у деревни Елховка и один у деревни Минеиха Тейковского района; одна птица на лугах с кустарниками вблизи реки Суходы (деревня Аньково, Ильинский район). Даты этих встреч совпадают со сроками прилёта и пролёта бормотушки в Московской, Ярославской и Вологодской областях (Птушенко, Иноземцев 1968; наши данные). Поэтому можно предположить, что через область идёт по крайней мере весенний пролёт этого вида, однако не исключено и гнездование северной бормотушки в Ивановской области.

Locustella naevia. 27 мая 1995 поющий самец обыкновенного сверчка отмечен у торфяного карьера в окрестностях Шумилово.

Литература

- Бутьев В.Т. 1998. Заметки о редких видах птиц юга Ивановской области // *Редкие виды птиц Нечерноземного центра России*. М.: 49-51.
- Бутьев В.Т., Шитиков Д.А., Павленков В.И., Редькин Я.А. 2000. Численность и распределение коростеля в Ивановской области (по учётам 1995-1996 гг.) // *Коростель в Европейской России: Численность и распространение*. М.: 113-121.
- Герасимов Ю.Н., Сальников Г.М., Буслаев С.В. 2000. *Птицы Ивановской области*. М.: 1-125.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-460.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 72-75

О расселении сирийского дятла *Dendrocopos syriacus* в Центральном Черноземье

В.С. Сарычев

Второе издание. Первая публикация в 2009*

Сирийский дятел *Dendrocopos syriacus* относится к видам, активно расселяющимся в европейской части России в восточном направлении. В Центрально-Чернозёмных областях он стал регистрироваться в начале 1990-х годов, а к настоящему времени его встречи известны в Воронежской, Курской и Липецкой областях.

В Воронежской области сирийский дятел впервые был отмечен в 1991 году в Бобровском районе (Барышников 2001). Несколько позже, в 1996 году, наблюдался в городе Воронеже, где в 2001 году был найден уже на гнездовании (Венгеров, Смирнов 2002). В 2004 году был найден на гнездовании и в городе Бобров (Соколов 2004). 15 июня 2005 впервые был зарегистрирован в центральной усадьбе Воронежского заповедника (Верхнехавский район) (Венгеров, Лихацкий 2008). Отмечено, что и в Воронеже, и в Боброве наблюдается рост его численности (Венгеров, Смирнов 2002; Соколов 2007).

* Сарычев В.С. 2009. О расселении сирийского дятла в Центральном Черноземье // *Редкие виды птиц Нечернозёмного центра России: Материалы 4-го совещ. «Распространение и экология редких видов птиц Нечернозёмного центра России» (Москва, 12-13 декабря 2009 г.)*. М.: 278-279.

В дополнение к этим данным сирийский дятел, по моим наблюдениям, распространён сейчас и в других районах Воронежской области. В Острогожском районе он был встречен в селе Кривая Поляна в начале августа 2007, а 20 августа 2008 наблюдался в центре посёлка Таловая (Таловский район). В Воронеже жилое гнездо было найдено на территории Коминтерновского кладбища 20 апреля 2006. Оно было расположено в дупле на высоте 8 м, выдолбленном в сухом обломанном стволе бальзамического тополя. Самец активно «барабанил» близ гнезда, иногда подлетая к нему. На том же кладбище самец сирийского дятла отмечен был и 6 апреля 2008.

На территории Курской области сирийский дятел впервые был отмечен в 2005 году: 23 августа он наблюдался в Обоянском, а в декабре – в Хомутовском районе. В апреле 2007 года он был зарегистрирован на Стрелецком участке Центрально-Чернозёмного заповедника близ Курска, а 30 марта 2008 – на участке «Пойма Псла» (Власов и др. 2008; Власов, Миронов 2008).

В Липецкой области сирийский дятел впервые наблюдался 5 февраля 2005 в городе Грязи. Птица держалась на груше на приусадебном участке в зоне одноэтажной частной застройки (Сарычев 2009; Позвоночные... 2009). 29 марта 2006 сирийский дятел был встречен в центре Задонска, в зоне одноэтажных частных домов. Самка в приусадебном саду кормилась засохшими плодами слив, которые собирала на ветвях, переносила на ближайший тополь и долбила.

Позже, в 2006-2008 годах сирийский дятел был встречен ещё в нескольких местах области. Так, 3 июня 2006 беспокоящийся и часто покрикивающий самец, явно из гнездовой пары, наблюдался на тополях во дворе дома в квартале пятиэтажной застройки в Левобережном районе Липецка. 17 октября 2008 ещё одна птица наблюдалась в центре Липецка в районе с частной застройкой; дятел кормился на яблоне вблизи домов. Ещё одну и, несомненно, гнездящуюся птицу мне пришлось наблюдать 26 мая 2007 в селе Барсуково Становлянского района, в посёлке Лесостепной опытно-селекционной станции. Рано утром на протяжении длительного времени неоднократно наблюдался самец, который прилетал в аллею старых деревьев маньчжурского ореха, расположенную среди жилых построек, собирал на земле прошлогодние плоды, долбил из на дереве и после этого улетал в одном и том же направлении, вероятно, к гнездовому дуплу.

24 октября 2007 сирийский дятел наблюдался (совместно с В.П. Иванчевым и В.Ю. Недосекиным) и был сфотографирован в деревне Ольховка (Елецкий район). Дятел держался на улице, рядом с домами, в древесных насаждениях, окаймляющих приусадебные сады.

В 2008 году сирийский дятел неоднократно наблюдался в центре города Данкова в частном секторе, где одноэтажная постройка с при-

усадебными садами и огородами граничит с ивняками, растущими на берегу Дона. 14 апреля здесь был отмечен самец, который кормился на сливах – он собирал на земле прошлогодние плоды и тут же долбил их на дереве. Несколько позже, 25-27 апреля, он наблюдался в этом районе в садах и ивняках неоднократно, а под сливами в разных местах были найдены многочисленные скорлупки раздолбленных как недавно, так и, судя по внешнему виду, в течение всей зимы косточек. Судя по поведению, гнездо располагалось в старых ивах, растущих на противоположном берегу Дона в 150-200 м от места его кормления.

Последняя встреча с сирийским дятлом в Липецкой области произошла 5 апреля 2009: самка кормилась сухими плодами на домашней сливе на усадьбе заповедника «Галичья гора» (Задонский район).

Сведений о пребывании вида в Белгородской области, где он, несомненно присутствует, нет*. В Тамбовской области сирийский дятел не наблюдался (Позвоночные... 2007).

Таким образом, имеющиеся данные позволяют внести сирийского дятла в список гнездящихся и зимующих птиц Центрального Черноземья. Его появление здесь произошло, вероятно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов, а к середине 2000-х он расселился уже в западных (Курская), центральных (Воронежская) и северных (Липецкая) областях региона. Как и в сопредельных регионах, он придерживается населённых пунктов, преимущественно с частной застройкой и с обилием плодовых деревьев. Основными кормами для него являются ядра косточек сливы домашней, абрикоса, семена яблони, а также, местами, плоды маньчжурского и грецкого ореха.

Литература

- Бардин А.В. 2005. Сирийский дятел *Dendrocopos syriacus* гнездится в окрестностях «Леса на Ворскле» // *Рус. орнитол. журн.* 14 (291): 554-556.
- Барышников Н.Д. 2001. Сирийский дятел – новый гнездящийся вид Воронежской области // *Орнитология* 29: 282.
- Венгеров П.Д., Лихацкий Ю.П. 2008. Птицы // *Позвоночные животные Воронежского заповедника: аннотированный список*. Воронеж: 19-61.
- Венгеров П.Д., Смирнов С.В. 2002. О гнездовании сирийского дятла в городе Воронеже и Воронежской области // *Роль особо охраняемых природных территорий Центрального Черноземья в сохранении и изучении биоразнообразия лесостепи*. Воронеж: 25-26.
- Власов А.А., Миронов В.И. 2008. *Редкие птицы Курской области*. Курск: 1-126.
- Власов А.А., Миронов В.И., Власова О.П., Власов Е.А. 2008. Новые и редкие птицы Курской области // *Материалы регионального совещания «Проблемы ведения Красной книги»*. Липецк: 15-19.

* В 2005 году гнездование сирийского дятла установлено в окрестностях «Леса на Ворскле» в Борисовском районе на юго-западе Белгородской области (Бардин 2005) – *прим. ред.*

- Позвоночные Липецкой области: Кадастр. 2009 / В.С.Сарычев (ред.). Воронеж: 1-494.*
- Позвоночные Тамбовской области: Кадастр. 2007 / А.Н.Гудина, И.В.Дьяконова, А.В.Емельянов и др. Тамбов: 1-304.*
- Сарычев В.С. 2009. Сирийский дятел в Липецкой области // *Редкие виды Липецкой области: Информационный сборник материалов по состоянию редких видов Липецкой области.* Липецк: 84-88.
- Соколов А.Ю. 2004. Зоологические находки и встречи регионально редких видов позвоночных животных в поймах рек Дон и Битюг в 2004 г. // *Материалы рабочего совещания по проблемам ведения региональных Красных книг.* Липецк: 155-158.
- Соколов А.Ю. 2007. Птицы Бобровского Прибитюжья // *Тр. Воронежского заповедника* **25**: 133-193.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 543: 75

Полевой воробей *Passer montanus* – новый гнездящийся вид в верховьях реки Печоры

В.В.Теплов

*Второе издание. Первая публикация в 1999**

Полевой воробей *Passer montanus* в 1930-1050-е годы отмечен как залётный вид для района Печоро-Илычского заповедника (Теплова 1957). В последующие годы полевых воробьёв эпизодически отмечали на пролёте в населённых пунктах по долинам рек Печоры и Илыча (Бешкарёв и др. 1992). С начала 1990-х годов полевой воробей регулярно зимует в посёлке Якша. В 1992-1993 годах здесь отмечено размножение: наблюдали ухаживание, спаривание и слётков, просящих корм у родителей.

Литература

- Бешкарёв А.Б., Нейфельд Н.Д., Теплов В.В. 1992. Птицы // *Позвоночные животные Печоро-Илычского заповедника.* М.: 8-31.
- Теплова Е.Н. 1957. Птицы района Печоро-Илычского заповедника // *Тр. Печоро-Илычского заповедника* **6**: 5-115.

* Теплов В.В. 1999. Полевой воробей – новый гнездящийся вид в верховьях реки Печоры // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.* Екатеринбург: 188.